

**ОБРАЗ «КРАСНОГО ПРОФЕССОРА»
(ПО МАТЕРИАЛАМ ЖУРНАЛА «ИСТОРИК-МАРКСИСТ»)**

После установления советского режима произошли существенные изменения в целях и задачах, структурах и формах организации исторической науки; власть разработала новый образ ученого-историка. В статье предпринята попытка реконструкции образа «красного профессора», транслируемого со страниц журнала «Историк-марксист».

После установления советского режима каналами трансляции и насаждения инновации в сферу науки и образования являлись новые научно-организационные формы, в том числе массовые и профессиональные периодические издания.

Целью данной статьи является реконструкция «официального», сформированного властью в 1920–1930-е гг. и транслируемого с помощью периодической печати образа «красного профессора» — историка. Олицетворяли этот образ по преимуществу выпускники Института красной профессуры.

Нам представляется, что в структуре образа ученого можно выделить следующие составляющие: представления о традиционном профессионализме и ценностях науки; идеологическая модель, созданная партийными органами и руководящим составом исторической науки, навязанная или сознательно принимаемая; индивидуальность (понимаемая в смысле индивидуальности восприятия окружающей действительности).

В отечественной и зарубежной гуманитаристике значительное место отводится проблемам изучения периодической печати как института формирования, структурирования и трансляции общественных представлений, «образов реальности»¹. По мнению современных исследователей, образ предмета, явления, объекта или субъекта, категории реальности, репрезентируемый со страниц журнальной прессы, зависит от моделировавшегося журналами образа издания. Н. Н. Родигина к системообразующим характеристикам издания, определявшим образ журнала, относит: «мировоззренческую направленность и отраслевую специализацию, личность редактора-издателя, авторский состав, структуру и периодичность издания, его тираж, источники финансирования, характер его взаимоотношения с цензурой»².

В рамках проблемы реконструкции образа «красного профессора» 1920–1930-х гг., репрезентируемого со страниц журнала «Историк-марксист», особое значение для нас имеет выявление специфики и направленности издания, а также определение характера взаимоотношений редколлегии журнала с властными структурами. Это позволит выяснить, являлся ли «Историк-марксист» официальным изданием, насколько журнал отражал «официальный» — формируемый советской властью — образ нового ученого.

В 1979 г. вышло обобщающее монографическое исследование А. И. Алаторцевой «Журнал “Историк-марксист”, 1926–1941 гг.», не утратившее большой научной ценности и по сей день. Автор подробно анализирует цели создания журнала,

его место среди других профессионально-исторических изданий 1920–1930-х гг., принципы подбора тематики публикаций (а также эволюцию общей тематической направленности журнала на протяжении всего периода его существования), деятельность редколлегии (с учетом изменения политического курса партии), рассматривает авторский состав и читательскую аудиторию «Историка-марксиста», прослеживает связь журнала с научными и научно-образовательными институтами. В целом А. И. Алаторцева рассматривает деятельность редколлегии журнала как отражение процессов, происходящих в советской исторической науке. Нам представляется возможным использовать исследование А. И. Алаторцевой для характеристики журнала «Историк-марксист», но при этом мы обращаемся к журналу как носителю и транслятору «официальных» представлений о задачах, нормах поведения, профессиональной деятельности «красного профессора».

Журнал «Историк-марксист» в 1920–1930-е гг. являлся периодическим изданием Общества историков-марксистов³, Института истории Комакадемии, а после ее закрытия — Академии наук СССР. Издание было предназначено для профессионального историко-научного сообщества. На страницах журнала публиковались результаты исследований членов Общества историков-марксистов и научных работников Комакадемии, стенографические отчеты о научных заседаниях, отдельные доклады, прочитанные в Обществе, обзорные хроники работы Общества, секций и комиссий Комакадемии (позднее АН СССР), а также других научно-исследовательских институтов страны (например, РАНИОН).

Общество историков-марксистов, являясь общественной организацией, тем не менее имело тесные контакты с Агитпропом и Отделом печати ЦК ВКП (б). Типичной формой связи были регулярные отчеты Общества (а также непосредственно редакционной коллегии журнала) в ЦК ВКП (б)⁴. Так, в апреле 1927 г., на собрании историков-марксистов «совет (Общества. — П. Ш.) заслушал сообщение об увязке работ общества с Агитпропом и отделом печати ЦК ВКП (б) и признал необходимым установить с ним более тесную связь...»⁵. Упоминается также об «общих указаниях, которые мы (Общество историков-марксистов. — П. Ш.) получали от А. П. О. ЦК ВКП (б)»⁶.

С 1930 г. журнал стал органом не только Общества историков-марксистов, но и Института истории Комакадемии, а после упразднения последней в 1936 г. — Академии наук СССР. Однако редакционную коллегию, штаты редакции и смету журнала утверждал ЦК ВКП (б), финансировался журнал через издательство (с 1936 г. таковым являлось издательство «Правда»).

Нет данных о прямом контроле, жесточайшей регламентации деятельности редколлегии журнала со стороны ВКП (б), однако любой политический поворот партии отражался на работе создателей журнала (как-то идеологическая борьба против троцкизма, развернувшаяся на страницах журнала, критика концепции М. Н. Покровского, требование изучения особенностей социалистического строительства). Также, учитывая идеологическую обстановку в 1920-е и особенно 1930-е гг., можно говорить о присутствии так называемой «самоцензуры», «цензуры собственной головы», основанной на страхе повторить судьбу ставших негодными по тем или иным соображениям ученых и выразившейся в выборе конъюнктурных ракурсов работы.

Большинство декретов и постановлений власти, как непосредственно касающихся исторической науки, так и регулирующих идеологическую и политическую сферу, с которыми в советский период общественные науки находилась в тесной связи, влияли на тематику исследований ученых, их теоретические и методические разработки, подбор авторов журнальных публикаций. Иначе говоря, и историки, выбирая тему исследования, и редакционная коллегия журнала или газеты, планируя очередной номер издания, выполняли скрытый или прямо артикулируемый идеологический заказ. Так, после письма И. В. Сталина в журнал «Пролетарская революция» в 1931 г., в котором подчеркивалась необходимость борьбы против троцкизма, деятельность Общества и журнала была подвергнута Президиумом Общества историков-марксистов суровой критике, и делались выводы о необходимости поднятия политического и теоретического уровня исторических работ, а также обращения к истории социалистического строительства⁷. Постановления партии и правительства 1934–1936 гг. по вопросам истории наметили для советских ученых новые задачи: прежде всего создание учебников с учетом достижений советской исторической науки. Редколлегия журнала «Историк-марксист» отреагировала на постановления властных структур изменением тематической направленности публикаций. Ряд новых планируемых исследовательских тем был сформулирован с учетом замечаний А. А. Жданова, С. М. Кирова, И. В. Сталина на конспекты учебников по истории СССР и новой истории⁸. Аналогично в начале 1939 г., после выпуска «Краткого курса истории ВКП (б)», участники совещания в редколлегии «Историка-марксиста» отмечали, что журнал недостаточно внимания уделяет проблемам современности⁹.

Отраслевая специализация периодического издания «Историк-марксист» несколько видоизменялась на протяжении 1920–1930-х гг., оставаясь, разумеется, в рамках разработки проблем теоретических и конкретно-исторических вопросов. По мнению А. И. Алаторцевой, «из журнала новой и новейшей истории отечественной и зарубежной, каковым это издание было на первом этапе своего существования, он (журнал. — П. Ш.) постепенно трансформировался в журнал с фронтальной разработкой проблем всех периодов всемирной истории»¹⁰.

Мировоззренческая направленность «Историка-марксиста» тесным образом связана с его отраслевой специализацией, с представлениями об истории как «о самой политической науке из всех существующих», руководствующейся марксистской методологией и идеями партийности. «Журнал должен был стать трибуной пропаганды марксистско-ленинского мировоззрения в исторической науке, вести решительную борьбу с враждебными марксизму течениями»¹¹.

В первую редакционную коллегию журнала в 1926 г. вошли М. Н. Покровский, В. П. Полонский, М. П. Павлович, Н. М. Лукин, А. В. Шестаков, Г. С. Фридлянд, П. О. Горин, С. М. Моносов. Старшее поколение¹² советских историков было представлено в редколлегии М. Н. Покровским, М. П. Павловичем, Н. М. Лукиным. Их общественно-политическая и научная деятельность началась еще до Октябрьской революции 1917 г., и к 1926 г. они уже «воспитали» значительную группу молодых историков. Среднее поколение историков: Г. С. Фридлянд, В. П. Полонский — были к тому времени квалифицированными преподавателями, авторами исторических исследований. П. О. Горин и С. М. Моносов — выпускники Инсти-

туда красной профессуры, молодое поколение советских историков. Ответственным редактором журнала был утвержден А. В. Шестаков. Он тоже выпускник ИКП первого набора, однако его общественно-политическая деятельность началась в конце 90-х гг. XIX в., А. В. был активным участником трех революций. Свою литературную деятельность Шестаков начал как партийный публицист, и к середине 1920-х гг. имел ряд исследований по аграрному вопросу в революции 1905–1907 гг. и в Октябрьской революции. После отставки Шестакова в 1930 г. журнал выходил под редакцией М. Н. Покровского, а весной 1933 г. ответственным редактором журнала был утвержден Н. М. Лукин. В состав новой редакционной коллегии вошли: Н. Н. Ванаг, М. Зоркий, Х. Лурье, А. М. Панкратова, С. Сеф, Ем. Ярославский. Ответственным секретарем был назначен выпускник Института красной профессуры К. Гребенкин. С 1938 г. и до конца существования журнала его ответственным редактором оставался партийный и общественный деятель Ем. М. Ярославский. В состав редколлегии входили Б. Д. Греков, И. И. Минц, С. Н. Ростовский. А. Л. Сидоров во второй половине 1930-х гг. заведовал критико-библиографическим отделом в редакции «Историка-марксиста».

Авторы журнала имели различное образование, научные интересы и род деятельности сближали их общие методологические позиции. В 1920–1930-е гг. в журнале «Историк-марксист» сотрудничали специалисты «старой школы», начавшие после 1917 г. — сознательно или отчасти вынужденно — работать в рамках марксистской парадигмы: С. И. Архангельский, С. Н. Валк, А. М. Васютинский, П. П. Лященко, В. И. Пичета, Б. А. Романов, Е. В. Тарле, Н. П. Грацианский, Ю. В. Готье, Б. Д. Греков. В разные годы в журнале принимали участие деятели партии, участники Октябрьской революции 1917 г.: Н. Н. Авдеев, В. В. Адоратский, М. П. Павлович, А. В. Шестаков, Ем. М. Ярославский. Однако в подавляющем большинстве авторами материалов, печатавшихся в издании, были историки так называемого «первого марксистского поколения»: Р. А. Авербух, В. З. Зельцер, В. В. Стоклицкая-Терешкович, В. М. Хвостов и др. Значительную группу авторов публикаций в «Историке-марксисте» составляли историки «новой генерации», выпускники ИКП: А. М. Панкратова, А. Ф. Рындыч, И. И. Минц, Н. Н. Ванаг, Э. Б. Генкина, Н. Л. Рубинштейн, М. В. Нечкина, Д. А. Баевский, А. И. Малышев, М. С. Югов, С. Е. Сеф, М. Н. Тихомиров, Л. Г. Райский, А. Л. Сидоров, Е. П. Кривошеина, С. С. Бантке и др.¹³

Данная характеристика журнала позволяет считать «Историк-марксист» «официальным» изданием, которое отвечает идеологическим, методологическим и политическим требованиям со стороны властных структур в области исторической науки. На страницах журнала опосредованно, через результат интеллектуальной деятельности историков, и непосредственно, через прямые указания партийно-государственных лидеров или корифеев советской исторической науки относительно роли, целей и задач историков-марксистов, отражается «официальный» образ историков новой, марксистской генерации (среди которых нас, согласно сформулированному предмету исследования, интересуют по преимуществу выпускники Института красной профессуры).

«Официальный» образ «красного профессора», транслируемый со страниц журнала «Историк-марксист», безусловно, сложен. На первый план здесь вы-

ходит идеологическая составляющая. Это связано с тем, что, на наш взгляд, на страницы официального издания попадает в основном та часть представлений о «красной профессуре», которая отвечает требованиям власти и редакционной коллегии (в ней на протяжении 1920–1930-х гг. всегда присутствуют большевики «со стажем») относительно моделей поведения, качеств, целей и задач «красного профессора», то есть именно то, что укладывается в идеологическую модель образа нового советского историка, отражается на страницах официальной печати. Однако неправомерно говорить, что журнал транслирует идеологическую модель образа историка в чистом виде, поскольку основная часть публикаций «Историка-марксиста» — авторские научно-исторические тексты, в которых присутствует и личное понимание историком своих задач, своего предмета исследования, и в какой-то мере традиционные представления о научном профессионализме. Другими словами, «официальный» образ «красного профессора» при некотором преувеличении идеологической составляющей также многогранен.

В рамках реконструкции «официального» образа «красного профессора» целесообразно рассмотреть следующие блоки: задачи историков, представления об исторической науке, исследовательская методика, формы трансляции исторического знания, риторика. Следует отметить, что вышеперечисленные блоки, а следовательно, и образ «красного профессора» не были статичными на протяжении 1920–1930-х гг., а менялись в соответствии с изменением ситуации в исторической науке, которая в свою очередь зависела от политической и идеологической конъюнктуры в СССР.

Задачи историков (которые, безусловно, перекликаются с задачами исторической науки в целом), научная повседневность марксистского поколения ученых на страницах «Историка-марксиста» присутствуют в основном в двух видах: в резолюциях Общества историков-марксистов и статьях М. Н. Покровского, а также непосредственно в работах «красных профессоров». Следует отметить, что сформулированные в директивном, «указательном» виде общие метазадачи историков появляются на страницах издания лишь в конце 1920 — начале 1930-х гг.. Адресатом их являются историки-марксисты в целом, поэтому можно говорить, что стратегии поведения, сформулированные в резолюциях, предназначаются, в том числе и выпускникам ИКП. Более того, многие «красные профессора» принимали деятельное участие в функционировании Общества историков-марксистов, а следовательно, резолюции в какой-то мере включают и их точку зрения. Так, например, на 21 января 1929 г. выпускники Института красной профессуры Н. Н. Ванаг, И. И. Минц, М. В. Нечкина и А. М. Панкратова были действительными членами Общества историков-марксистов (А. М. Панкратова к тому же являлась кандидатом в члены Совета Общества)¹⁴.

Определяющей чертой образа «красного профессора» является акцентирование на партийности, «политичности», классовом принципе функционирования исторической науки. Исторические сочинения, авторами которых являлись историки первого марксистского поколения, были призваны объяснить «политику настоящего», разбирая «политику прошлого», «вскрывая... иногда глубоко скрытые классовые противоречия». «...История есть самая политическая наука из всех существующих. История это есть политика прошлого, без которой нельзя

понять политику настоящего. Попытайтесь взять любое из явлений окружающей нас действительности, и вы не поймете его без исторических корней»¹⁵. «Академизм» дореволюционной исторической науки, стремление к объективной истине, изучение истории ради познания заменяются сугубо прагматичным намерением понять и разъяснить при помощи обращения к прошлому развитие классовой борьбы и политическую ситуацию современности, «...сделать историю одним из сильнейших орудий политического воспитания масс, одним из средств мобилизации творческой энергии масс на дело социалистического строительства»¹⁶. Способствует этому работа в рамках марксистской методологии, следование общим и конъюнктурным интересам партии, выбор политически актуальных тем исследования и отношение к истории как к арене борьбы.

В официальной печати в понимании своих задач у выпускников ИКП и их непосредственного учителя М. Н. Покровского тематика борьбы выходит на первый план — борьбы между «пролетарской», «подлинно марксистской» исторической наукой и «буржуазной»¹⁷. Пройдя «школу» революции и Гражданской войны (это особенно актуально для первого выпуска ИКП), получив в процессе обучения прямую установку на искоренение чуждых марксизму идей, работая в атмосфере политической и идеологической борьбы, следуя директивам партии, представители «красной профессуры» воспроизводят образ исторической науки как идеологического фронта. В риторике выпускников ИКП неизменно присутствуют «боевые» термины: «фронт», «борьба», «армия», «противник», «неприятельский лагерь», «оружие», «мобилизация», «новые высоты», «вооружить». На страницах «Историка-марксиста» характерными являются высказывания, подобные следующим: «противник в этом отношении (в отношении исследовательской техники. — П. Ш.) прекрасно вооружен, как прекрасно вооружен он и в прямом военном смысле. Если мы готовим на случай войны аэропланы, танки и скорострельные пушки, если у нас есть военные академии и специальные учреждения, ведающие этой техникой, то и для “мирной” борьбы на идеологическом фронте мы должны создать руководящие научные учреждения и вооружить единственно научный метод объяснения истории... соответствующей научной аппаратурой»¹⁸, «...марксисты нашей страны должны явиться одним из боевых и передовых отрядов теоретического фронта»¹⁹, «историки-большевики — только один из отрядов великой армии Ленина и Сталина. На этом участке фронта, перед этим отрядом бойцов стоят те же основные задачи, что и пред всей армией. Историки-марксисты, умело пользуясь своим видом оружия, должны как можно успешнее драться за дело нашей партия»²⁰ и т. д. Таким образом, в 1920–1930-е гг. противником в восприятии «красного профессора» являлись историки «старой» генерации (а позднее и историки-марксисты, заявленные оппозиционными по своим идеологическим взглядам установкам партии); оружием — «высокая исследовательская техника», наличие которой возможно лишь в рамках марксистской методологии; методами борьбы — преподавательская, пропагандистская деятельность, марксистская разработка актуальных вопросов истории. Постепенно на протяжении 1920–1930-х гг. вырисовываются характеристики «чужого» несоветского историка, «врага». В первую очередь это буржуазные историки, не желающие до конца принимать ни нового советского строя, ни марксистской идеологии, даже если

и выбирающих для исследования актуальные с точки зрения классового принципа темы, то недостаточно «революционно», полемически, без «должного» погружения в марксизм их разрабатывающие. Со временем категория «чужого» историка пополняется и историками-марксистами, искажавшими, с точки зрения официального курса партии, марксистско-ленинское (позднее и сталинское) учение. Самоопределение первого марксистского поколения ученых проходило через противопоставление «правильного» советского ученого-марксиста и «врага» режима, в мироощущении неотъемлемо начинал присутствовать образ борьбы с «чужим» историком.

Следует заметить, что частота обращения к риторике борьбы на историческом фронте возрастает к началу 1930-х годов, знаменуя собой усиление идеологизации исторической науки. Однако не все «красные профессора» активно используют «боевую» терминологию в научно-исследовательских статьях на страницах «Историка-марксиста». В большинстве своем это характерно для первых выпусков и преподавателей ИКП: А. В. Шестакова, П. О. Горина, А. М. Панкратовой, а также для М. Н. Покровского, Н. М. Лукина, Ем. М. Ярославского. Подобный факт, на наш взгляд, в некотором роде может служить свидетельством сохранения профессионального отношения к специальным конкретно-историческим исследованиям, когда автор стремится в первую очередь рассмотреть объект исследования (безусловно, с помощью марксистской методологии), и лишь затем обращается к партийным идеологемам.

В исследовательской методике, подходе к объекту своего изучения, а также в организации и атрибутике научных текстов некоторые выпускники Института «красной профессуры» отчасти воспроизводят классический позитивистский вариант науки. Безусловно, исторический нарратив, созданный советским историком, соответствует идеологическим требованиям власти и написан в рамках марксистской методологии, с активным использованием цитат классиков марксизма-ленинизма, «полемически заострен» против представителей буржуазной историографии, тематика исследования выбрана с учетом классового подхода. Однако анализ опубликованных в «Историке-марксисте» исследовательских и аналитических работ некоторых представителей «красной профессуры», особенно той ее части, которая получила добротное университетское образование (например, М. В. Нечкиной), позволяет говорить о сохранении в 1920–1930-е гг. пусть и обрывочных, во многом подвергшихся рецепции в советское время представлений о «научности» исторического знания.

В первую очередь сохранение матрицы научной работы «старой» дореволюционной школы в произведениях ученых-марксистов прослеживается в отношении к роли и месту источника в историко-научном исследовании. Так, М. В. Нечкина в 1928 г. в журнале «Историк-марксист», в разделе «Критика и библиография» анализирует исследовательские работы, посвященные Н. Г. Чернышевскому, и на конкретном примере воспроизводит мысль о том, что первоначальная задача для историка, занимающегося той или иной проблемой, — выявление и детальная проработка всего комплекса документов, так или иначе связанных с предметом его исследования. «По-настоящему изучить Чернышевского можно только подняв всю архивную целину, не оставив необследованной ни одной фразы, написан-

ной им, ни одного тайного правительственного документа, говорящего о нем»²¹. Милица Васильевна ставит также важную источниковедческую проблему, связанную с особенностями работы с «подцензурными» текстами, в том числе проблему «цензуры собственной головы». «...Над ... его (Чернышевского. — П. Ш.) сочинениями тяготеет цензура, следы которой мы не можем никак уничтожить: ведь вся масса научных работ величайшего просветителя своей эпохи писалась в предвидении царской цензуры. Чернышевский, работая над статьями для “Современника”, ни на одну минуту не забывал о цензуре...»²². Решение этой проблемы Нечкина видит в использовании «важнейшего» источника, дающего информацию о жизни, становлении и развитии взглядов Николая Гавриловича, — его дневника, неподконтрольного царской цензуре. Другими словами, Нечкина призывает исследователей творчества Чернышевского опираться на комплекс источников разного вида: источники личного происхождения, официальные документы, работы Н. Г. Чернышевского и задействовать таким образом информационно-компенсаторные возможности различных групп документов.

Значимое место источника в работе историка-профессионала констатируется не только в аналитических и исследовательских работах на конкретно-историческую или историографическую тематику, но и в обобщающих, во многом носящих пропагандистский характер статьях журнала «Историк-марксист», призванных адаптировать критические замечания и задачи социалистического строительства, выдвинутые партией, к ситуации в исторической науке, то есть в статьях, непосредственно транслирующих партийный заказ, идеологическую модель образа новой генерации советских историков. Н. М. Лукин в июле 1931 г. в статье «За большевистскую партийность в исторической науке» наряду с необходимостью проработывания историками Запада актуальных с политической точки зрения тем (в частности речь шла об исследованиях, посвященных империализму и империалистической войне), а также более активного участия историков в соцсоревновании, поднимает вопрос о качестве исторической продукции. «Та задача, которую выдвинул на конференции работников социалистической промышленности т. Сталин, — задача овладения техникой, — отнюдь не должна рассматриваться как нечто такое, что имеет отношение лишь к производству “материальных ценностей”. Проблема улучшения качества продукции, проблема овладения техникой должна стать боевым лозунгом не только коммунистов-хозяйственников, но и коммунистов-научных работников всего идеологического фронта и в том числе — историков Запада»²³. В качестве одного из примеров реализации задачи овладения техникой исследования Лукин предлагает следующий вариант подготовки специалистов в области исторической науки: «наши аспиранты не должны пренебрегать кропотливой, “черной”, на первый взгляд мало заманчивой, но чрезвычайно полезной с точки зрения повышения квалификации молодого историка работой в Комиссии по изданию документов мировой войны или в редакционных аппаратах соответствующих отделов наших энциклопедий (БСЭ и МСЭ). До тех пор, пока мы будем целиком перекладывать такую работу на беспартийных специалистов, как якобы чисто “техническую”, мы не станем сами настоящими специалистами, “знатоками дела, полными хозяевами дела” (Сталин) в своей науке».²⁴ Безусловно, данное положение иллюстрирует тот факт,

что в представлении историка-марксиста, воспроизводящего новый образ ученого, историки — бойцы общего социалистического фронта — должны быть не только идеологически и политически выдержанными, но и улучшать качество исследовательской методики.

Интересна в отношении рассмотрения вопроса о месте исторического источника в научном исследовании критика руководителя и преподавателя Института красной профессуры М. Н. Покровского в отношении литературы 1920-х гг., посвященной Народной воле: «...удивительно мало для историков в этой полемике (о характере Народной воли. — П. Ш.) фигурируют исторические источники. Мне, человеку старых привычек, просто странно на это смотреть... Это отсутствие источников в исторической полемике, оперирование исключительно цитатами из Ленина, Маркса и т. д. производят странное впечатление. И Ленин, и Маркс, я думаю, не похвалили бы тех людей, которые так делают. У Ленина, конечно, есть великолепная характеристика народовольчества, она очень полезна, но повторять слова Ленина — не значит заниматься историческими исследованиями. А между тем, кроме цитат из Ленина, из Маркса и других авторов, — причем иногда цитируются даже места, не имеющие никакого отношения к Народной Воле, так что буквально получается: «а ваша тетка с инженером сбежала», — ничего нет. Подлинного изучения источников — нет. Я не знаю ни одной работы, которая бы подверглась критическому анализу мемуары народовольцев, а это очень стоит...»²⁵. Подобные соображения высказываются и в отчетном докладе о работе Института истории Комкадемии за первое полугодие 1932 г.: «все статьи должны быть построены не по принципу, “а вот еще одна цитата из Ленина”, а на новом архивном материале, исходя из основных методологических принципов Ленина по данным вопросам»²⁶.

Наметившаяся в конце 1920-х гг. тенденция к большему привнесению исследовательского момента в историописание, выражавшаяся в осознании (даже на официальном уровне) необходимости помимо высказываний классиков марксизма-ленинизма по изучаемому вопросу (иногда лишь косвенно к нему относящихся) использовать в работе максимально возможный комплекс источников, отчасти связана, на наш взгляд, с новой волной репрессий и проработок представителей «старой» «буржуазной» генерации историков. На смену им должны были прийти не только идеологически и политически подкованные, но и владеющие исследовательской методикой историки-марксисты. Конкретным выражением вышеозначенной тенденции можно считать вышедшие в 1927 г. «Очерки по истории Октябрьской революции», являющиеся коллективной работой слушателей Института красной профессуры, работавших под руководством М. Н. Покровского. Авторы Очерков ввели в оборот большой комплекс документов, посвященных революции²⁷.

Однако следует заметить, что разрабатывать и вводить в научный оборот предполагалось источники лишь по политически актуальным вопросам, имеющим непосредственный выход на современность. Такие проблемы, как, например, анализ положений Судебника Федора Иоанновича²⁸ на рубеже 1920–1930-х гг. не считались приоритетными.

В конце 1920 — начале 1930-х гг. в исторической науке, как и в других «производственных» сферах социалистического строительства, появляются новые методы работы, неразрывно связанные с образом нового советского ученого.

Для разработки крупных тематических блоков начинают создаваться группы исследователей. Так, с 1930 г. в рамках секции истории империализма Института истории Комкадемии начинает работать группа исследователей, занимающихся изучением германской социал-демократии. «План работы группы рассчитан на ряд лет с тем, чтобы в ближайшие пять лет, до 1934 г., заложить основу большой коллективной работы, которая должна дать большевистскую историю социал-демократической партии Германии»²⁹. Каждый член коллектива, бригады разрабатывал выделенный ему аспект, сюжет из общей тематики. С помощью подобного коллективного метода исследования, распределения задач среди авторов становилось возможным в сравнительно короткие сроки исследовать обширные тематические блоки, зачастую хронологически охватывающие несколько сотен лет. Примером такой коллективной работы на материалах отечественной истории может служить капитальный труд «История фабрик и заводов». Работа строилась на основе воспоминаний и архивных документов, собранных рабочими. Для этих целей на заводах создавались авторские рабочие коллективы. «Научное руководство работой заводских коллективов осуществляется специальными редакционными комиссиями, выделенными Главной редакцией. В задачи этих редакционных комиссий входит: 1) оказание всемерной помощи заводским редколлегиям в отношении методологического руководства и литературного оформления их работы, 2) просмотр и редактирование собранного заводскими редколлегиями материала и рукописей, 3) участие в самом написании монографий по материалам, подготовленным на местах. В этих редакционных комиссиях историкам принадлежит... важнейшая роль»³⁰. В 1931 г. в состав главной редакции «Истории фабрик и заводов» вошла выпускница ИКП А. М. Панкратова. По принципу бригадного метода работы в 1932 г. была полностью перестроена структура Института истории Комкадемии: «...были ликвидированы секции (секция по истории докапиталистических формаций, секция по истории промышленного капитализма, секция по истории пролетариата СССР, секция по истории империализма, секция по истории народов СССР), и Институт перешел на бригадный метод работы, создав... по каждой проблеме, предусмотренной производственным планом на 1932 г., отдельную бригаду из нескольких научных сотрудников»³¹.

В начале 1930-х гг. помимо коллективного метода работы в научную повседневность входят плановость, ударничество и социалистическое соревнование — методы, прежде нехарактерные для интеллектуального труда. Появление их обусловлено общими ускоренными темпами развития основных сфер государства, задействованных в строительстве нового общественного порядка. Гуманитарные науки, и в частности история, отвечали за идеологический фронт.

Повсеместно назначаются минимальные сроки создания той или иной исследовательской работы, ученые-историки как лично, так и в рамках исследовательских учреждений, находятся в состоянии соревнования друг с другом за выполнение большего объема работ в кратчайшие сроки. Причем «вызов» на социалистическое соревнование зачастую не спускается сверху, а исходит от самих его участников (вопрос о мотивациях участия в подобных соревнованиях на данном этапе остается открытым, так как мы не можем на основании материалов журнальной прессы говорить о том, была ли искренней вера соревнующихся в необходимость подобных методов работы, или же их поведение обусловлено желанием следовать в фарватере курса партии). Так, в прениях по докладу С. М. Дубровского «К вопросу о сущности “азиатского”

способа производства, феодализма, крепостничества и торгового капитала» историк Л. Мадьяр вызывает автора сообщения на такое соревнование: «мы живем в период социалистического соревнования. Я, т. Дубровский, вас вызываю и заявляю, что через год представлю нашему обществу работу о движущих силах индийской истории, без понимания которых нельзя понять движущие силы индийской революции. Я вам предлагаю написать тоже работу об Индии»³².

Суть социалистического соревнования — в постоянном нарастании темпов работы; отстающие от общей по стране волны «бега наперегонки» подвергались критике и проработкам либо непосредственно со стороны партии, либо руководства учреждений. Н. М. Лукин, адаптируя к конкретной ситуации в Комакадемии замечания И. В. Сталина, высказанные на конференции аграрников-марксистов по поводу отставания научной работы от практики социалистического строительства, критиковал историков-западников за то, что «новые социалистические методы труда... ударничество и соревнование, не сделались основной формой нашей (ученых Коммунистической академии — П. Ш.) работы, что мы не нашли еще нужных конкретных форм для развития и укрепления ударничества и соревнования на нашем участке»³³.

Таким образом, на первый план в задачах историков подчас выходит не качество работы, не ее высокий аналитический и научный уровень, а темпы работы и сроки создания. Первое марксистское поколение ученых-историков (и выпускники ИКП как его составная часть) живет и работает в атмосфере гонки за количество созданных печатных листов по актуальным с политической точки зрения темам.

Параллельно с модернизацией методов организации работы в практику научной деятельности входят новые формы трансляции исторического знания.

Дореволюционная (второй половины XIX в.) историческая наука знала следующие основные способы распространения профессионально-исторического знания: лекции (учебные и в меньшей степени публичные), практические занятия, написание научных трудов, личные внутри- и околонучные коммуникации. Следует отметить, что историческая наука до 1917 г. была в некотором роде элитарной: адресантом, а также в подавляющем большинстве и адресатом конкретно-исторической и методологической информации, методических навыков оказывалось само научное сообщество. Историческая наука была замкнута в себе, профессиональна, и лишь в первое десятилетие XX в. появляются ученые, нашедшие для своей профессии иную сферу приложения, — использование исторических фактов для политической пропаганды. Подчас участие историков в политической жизни страны было значительным и «грозило утрате черт профессиональной деятельности и полному уходу в политику (М. Н. Милюков, А. В. Карташев и другие)»³⁴.

После 1917 г. большое распространение получают новые формы трансляции исторического знания (такие как издание научно-популярных работ, публичные доклады в рамках празднования юбилейных дат тех или иных исторических событий), а старые, известные еще дореволюционной науке (дискуссия, рецензия), — получают новое содержание. Существующие в 1920–1930-е гг. формы трансляции исторического знания условно можно разделить на популяризаторские и научные, причем именно научные методы типологически восходят к дореволюционным формам.

Говоря о таких научных формах трансляции исторического знания, как рецензии на исследовательские работы, дискуссии, посвященные тем или иным конкретно-историческим или методологическим проблемам, следует отметить тот факт, что, несмотря на то, что они предназначались для сообщества профессионалов и несли иссле-

довательскую информацию, определяющим моментом в критике подчас являлась не степень научности положений автора, а «политическая сущность» критикуемого или рецензируемого ученого (а следовательно, и его научных работ). Распространенным стало участие в дискуссиях историков, не являвшихся специалистами по обсуждаемой теме, однако активно полемизировавших с автором на предмет соответствия исследования классовому подходу, идеологемам партии, положениям марксизма-ленинизма³⁵. Однако нельзя говорить, что в 1920–1930-е гг. политическая конъюнктура полностью вытесняет научно-исследовательскую составляющую исторической полемики. Безусловно, диалоговое пространство исторической науки в ее профессиональном, академическом варианте сужается, но не исчезает полностью. Проиллюстрировать это положение может рецензия М. В. Нечкиной на работу Е. С. Коц «Крепостная интеллигенция»³⁶. Милица Васильевна рассматривает предмет исследования, вписывая его в более общую проблему «третьего сословия» в крепостной России, рассуждает о предпосылках появления крепостной интеллигенции, анализирует источниковую базу, критикует за недостаточное использование мемуарной литературы. Приверженность классовому подходу видна лишь в требовании акцентирования социальных проблем, связанных с предметом исследования.

Одной из важнейших аксиологических основ мировоззрения новой генерации советских историков является необходимость массового востребования результатов труда ученого (для выпускников Института красной профессуры данный факт особенно актуален, ведь еще в процессе их обучения популяризаторская деятельность занимала значительное место среди «учебных» задач). Элитарный тип науки в 1920–1930-е гг. был невозможен и нежизнеспособен, потому что противоречил назначению и задачам исторического знания — способствовать политическому «воспитанию» масс. Подобные ценностные ориентации, на наш взгляд, укладываются в общие социокультурные особенности советской эпохи с характерным для нее коллективизмом, массовым участием в том или ином мероприятии (массовые праздники, коллективный труд и т. д.).

Стремление популяризовать политически актуальные страницы истории выражалось, например, в участии историков в подготовке «юбилейных исследований». В 1920–1930-е гг. широко праздновались годовщины важных с классовой точки зрения событий, а также юбилейные даты со дня рождения общественных и революционных деятелей³⁷. Историки в рамках подобных празднований готовили к публикациям новые источники, исследовали ранее не разработанные или разработанные с точки зрения «старой» буржуазной (а следовательно, неверной) методологии вопросы, делали публичные доклады, посвященные «юбилярам». Целью таких «юбилейных исследований», по словам М. Н. Покровского, являлась в первую очередь пропаганда, идеологическое воздействие на массы. «Деятельность нашего Общества (Общества историков-марксистов — П. Ш.) выразилась... главным образом, в организации празднования целого ряда юбилеев. ...Эта работа была очень полезна, она оценена высшими инстанциями именно как полезная работа, поскольку юбилей представляет собой наиболее простой и ясный способ пропаганды среди очень широких масс новых взглядов на те или другие исторические события»³⁸. Подобное широкое воздействие на массы было возможно, по-

сколькx вышедшей научно-исследовательской и популярной литературой «может воспользоваться докладчик на собрании, журнальный работник, она отразится на преподавании в школе, она должна сказаться на текущей периодической литературе»³⁹. Однако некоторые ученые-историки, на наш взгляд, не демонстрируют безоговорочного согласия с преимущественно юбилейной разработкой тех или иных актуальных вопросов исторической науки, так как подчас это приводит к потере систематичности и глубины в исследованиях. Например, М. В. Нечкина следующим образом высказывается по поводу «юбилейных работ», посвященных Н. Г. Чернышевскому: «привычка связывать изучение крупных революционных явлений с их юбилейными датами стала, к сожалению (курсив наш. — П. Ш.), нашим обычаем. Конечно, Чернышевский заслуживает и не “юбилейного” изучения. Но буржуазная историография оставила нам такую массу искаженных проблем, подлежащих пересмотру, такое количество еще совершенно неразработанных областей, что сразу за все вопросы приняться невозможно — надо установить хоть какой-нибудь порядок. Если этот “порядок” устанавливается у нас... юбилеями, это, конечно, *чересчур “стихийно”*, но в конце концов не так уж плохо, если юбилеи приносят действительно ценную литературу». Таким образом, юбилейное исследование для Милицы Васильевны Нечкиной — это не только пропаганда нового исторического знания, но и способ выбрать очередную тему для работы из общего массива политически актуальных, но еще не разработанных с точки зрения марксистской методологии вопросов истории.

Еще одной формой трансляции исторической информации на широкую непрофессиональную аудиторию можно считать массовые популярные издания. Как уже говорилось выше, одной из основных задач историков-марксистов являлось ознакомление широких масс с марксистскими достижениями в области истории, как путем публичных устных докладов, так и с помощью массового издания научно-популярной литературы. Эта задача прямо артикулируется в Уставе Общества историков-марксистов, проговаривается в статьях журнала, посвященных текущим целям, стоящим перед историками на протяжении 1920–1930-х гг. Так, Совет Общества историков-марксистов в 1931 г. призывает «нести исторические знания в широкие массы, отнюдь не замыкаясь в рамки “ученых” заседаний и “ученых” журналов, посещающихся и читающихся лишь ограниченным кругом специалистов. Постановка широкого массового исторического журнала, издание для широких масс исторических документов и т. д. являются одной из самых настоятельных, не терпящих никакого отлагательства задач, стоящих перед нами»⁴⁰. В качестве примера популярных исторических изданий, подготовленных Обществом историков-марксистов, можно привести Книги для чтения по истории России (в 5 т., под редакцией М. Н. Покровского), истории Запада (в 4 т.), истории ВКП (б) (в 5 т.)⁴¹. Многотомная коллективная работа «История фабрик и заводов» также была предназначена для широкой аудитории⁴². В отличие от единовременных изданий, организация периодического органа, рассчитанного на массового читателя, не была осуществлена (однако историки-марксисты, безусловно, размещали публицистические статьи в неисторических периодических изданиях, адресованных широкому кругу читателей). Подобный факт являлся предметом активной критики со стороны партии и руководящего состава

Общества историков-марксистов. М. Н. Покровский на собрании Общества в марте 1930 г. так оценивал ситуацию с выпуском массового исторического журнала: «мы не добрались еще до настоящих масс, не добрались ни в порядке докладов, лекций, ни в порядке литературной продукции, в порядке выпуска журналов, книг и т. д. Кустарным образом мы все это делаем, организованной же работы в этом отношении мы не имеем. Позвольте указать хотя бы на тот факт, что массовый исторический журнал стоит у нас на очереди приблизительно все те два года, о которых я даю отчет. Все время он стоит, но он стоит, именно стоит, а не двигается, ни одного номера еще не вышло, никакая подготовка не сделана. И я думаю, что отчасти виной является то, что мы не связались с массами, что мы не видим этих масс с их запросами воочию. К нам, историкам, к сожалению не ходят массы и не требуют от нас с ножом к горлу: “Дайте ответ на такой-то вопрос!” А запросы есть. Я приведу факт. На одном из московских заводов сейчас существует кружок по изучению, — как вы думаете, чего? — крестовых походов. Папа объявил крестовый поход. Западному рабочему, который учился в школе, не нужно объяснять, он знает, что такое крестовый поход, а наши не знают. “Комсомольская Правда” обратилась ко мне за статьей».⁴³ Действительно, именно массовое периодическое издание наиболее полно должно было отвечать задаче просвещения и систематического идеологического воспитания широких масс, так как единовременные издания имели все же достаточно ограниченную аудиторию и в большинстве своем рассчитаны были на учащихся «вузов и комвузов».

Таким образом, на протяжении 1920–1930-х гг. формировался образ нового советского ученого-марксиста. Необходимая модель поведения закладывается не только в процессе обучения молодых специалистов, но также и через новые научно-организационные формы, в том числе массовые и профессиональные периодические издания. Одним из таких периодических изданий является журнал «Историк-марксист», транслирующий угодный власти образ ученого-историка. С официальной точки зрения, советский ученый должен быть «бойцом» идеологического фронта: активным, идеологически, методологически подкованным, следующим общему курсу социалистического строительства (выражалось это, например, в ударничестве, участии в соцсоревновании), работающим в коллективе, активно дискутирующим и участвующим в докладной деятельности, массовой пропаганде. Профессиональное становление новой генерации историков происходит через противопоставление марксистской и немарксистской исторической науки. Выпускники Института красной профессуры наиболее полно отвечали требованиям и задачам партии. Однако нельзя говорить о полном сломе, разрыве традиций советской и дореволюционной науки, остаются внутренние, имплицитные связи, выражавшиеся в наличии у многих представителей историков-марксистов (в том числе и «красных профессоров») стремления построить исследование на полной источниковой базе.

Примечания

¹ См.: Бурдые П. Начала. М., 1994; Дашкова Т. «Работницу» — в массы: политика социального моделирования в советских женских журналах 1930-х годов // Новое лит. обозрение. 2001. № 50. С. 184–192; Коробейников В. С. Пресса и общественное мнение. М., 1986; Роди-

- гина Н. Н. «Другая Россия»: образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX — начала XX века. Новосибирск, 2006; *Она же*. Образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX — начала XX в.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Омск, 2006.
- ² Родигина Н. Н. указ. соч. С. 8.
  - ³ Общество историков-марксистов, созданное в 1925 г., представляло собой добровольную общественную организацию историков единого идейного направления. Общество ставило перед собой цели «объединения всех марксистов, занимающихся научной работой в области истории; научной разработки вопросов истории и марксистской методологии истории; борьбы с любыми извращениями марксистской исторической науки; критического освещения текущей исторической литературы с марксистской точки зрения; пропаганды и популяризации марксистского метода и ознакомления широких масс с марксистскими достижениями в области истории». ГАРФ. Ф. Р-7668. Оп. 1. Д. 187. Л. 2.
  - ⁴ Подробнее см.: *Алаторцева А. И.* Журнал «Историк-марксист», 1926–1941 гг. М., 1979. С. 21–24.
  - ⁵ Хроника. Общее собрание членов Общества историков-марксистов // Историк-марксист. 1927. Вып. 4. С. 278.
  - ⁶ Там же. С. 275.
  - ⁷ См. напр.: За решительную перестройку исторического фронта // Историк-марксист. 1932. Вып. 1. С. 7–12.
  - ⁸ См.: *Сталин И.* Об учебнике истории ВКП (б). Письмо составителям учебника истории ВКП (б) // Там же. 1937. Вып. 2. С. 29–31.
  - ⁹ См. напр.: *Ярославский Ем.* Невыполненные задачи исторического фронта // Там же. 1939. Вып. 4. С. 3–11.
  - ¹⁰ Там же. С. 10.
  - ¹¹ Там же. С. 22.
  - ¹² Поколенческое «деление» А. И. Алаторцевой.
  - ¹³ Подробнее о деятельности редколлегий и авторском составе см.: *Алаторцева А. И.* Указ. соч. С. 47–69.
  - ¹⁴ ГАРФ. Ф. Р-7668. Оп. 1. Д. 187. Л. 7–8.
  - ¹⁵ *Покровский М. Н.* Институт истории и задачи историков-марксистов // Историк-марксист. 1929. Вып. 12. С. 11.
  - ¹⁶ *Панкратова А. М.* Создание «Истории заводов» и задачи историков-марксистов // Там же. 1932. Вып. 6. С. 21.
  - ¹⁷ Например, см.: Хроника. В Обществе историков-марксистов: Резолюции, принятые на общем собрании Общества историков-марксистов // Историк-марксист. 1930. Вып. 2. С. 166; Тезисы фракции Совета Общества историков-марксистов о задачах марксистской исторической науки в реконструктивный период // Там же. 1931. Вып. 1. С. 8–17.
  - ¹⁸ Всесоюзная конференция историков-марксистов. I. Пленарные заседания. Развитие современной исторической науки и задачи историков-марксистов: (Речь, произнесенная М.Н. Покровским на открытии Всесоюзной конференции 28 декабря 1928 г.) // Историк-марксист. 1929. Вып. 11. С. 217–218.
  - ¹⁹ За решительную перестройку исторического фронта // Там же. 1932. Вып. 1. С. 7.
  - ²⁰ За революционную бдительность, за большевистскую партийность! // Там же. 1935. Вып. 1. С. 4.
  - ²¹ *Нечкина М. В.* Накануне юбилея Н. Г. Чернышевского // Там же. 1928. Вып. 8. С. 173.
  - ²² Там же. С. 173–174.
  - ²³ *Лукин Н. М.* За большевистскую партийность в исторической науке // Там же. 1921. Вып. 22. С. 7.
  - ²⁴ Там же. С. 7.
  - ²⁵ *Покровский М. Н.* Очередные задачи историков-марксистов // Там же. 1930. Вып. 16. С. 14.
  - ²⁶ О работе Института истории за первое полугодие 1932 г. // Там же. 1932. Вып. 3. С. 191.
  - ²⁷ См.: *Горин П.* Критические статьи. Очерки по истории Октябрьской революции // Там же. 1928. Вып. 8. С. 153–160.

- ²⁸ См.: *Покровский М. Н.* Институт истории и задачи историков-марксистов // Там же. 1921. Вып. 14. С. 3–12.
- ²⁹ Секция истории империализма Института истории Комакадемии // Там же. 1930. Вып. 20. С. 195–198.
- ³⁰ *Панкратова А. М.* Создание «Истории заводов» и задачи историков-марксистов // Там же. 1932. Вып. 6. С. 10.
- ³¹ О работе Института истории за первое полугодие 1932 г. // Там же. 1932. Вып. 3. С. 190.
- ³² Дискуссия о социально-экономических формациях. Прения по докладу С. М. Дубровского: «К вопросу о сущности “азиатского” способа производства, феодализма, крепостничества и торгового капитала» // Там же. 1930. Вып. 16. С. 110.
- ³³ *Лукин Н. М.* Указ. соч. С. 5.
- ³⁴ Очерки истории отечественной исторической науки XX века. Омск, 2005. С. 308.
- ³⁵ См. например: Диспут о книге Д. М. Петрушевского: О некоторых предрассудках и суевериях в исторической науке // Историк-марксист. 1928. Вып. 8. С. 79–128
- ³⁶ *Нечкина М. В.* Проблема «третьего сословия» в крепостной России: Рецензия // Там же. 1927. Вып. 3. С. 222–225.
- ³⁷ В 1920-е годы, как отмечает М. Н. Покровский, был отпразднован целый ряд юбилейных дат: «мы начали 1 июня 1925 года с празднования 150-летнего юбилея Пугачевщины. Мы продолжали организацию целого ряда заседаний, посвященных 20-летнему юбилею 1905 г., декабристов, затем мы отпраздновали юбилей Бакунина, с некоторым пропуском юбилей Щапова, и, наконец, сейчас мы так или иначе, хотя не с такой энергией, как следовало бы ожидать, втягиваемся в подготовку празднования грандиозного юбилея, который предстоит в Октябре, именно десятилетия нашей пролетарской революции» — *Покровский М. Н.* Общее собрание членов Общества историков-марксистов // Там же. 1927. Вып. 4. С. 268–269. Также широко отмечались юбилей Н. Г. Чернышевского и 10-летие 1914 года. В 1930-е годы число празднований юбилеев заметно уменьшается. Можно отметить празднование в начале 1930-х гг. юбилея «Народной воли», 15-летие Октября, 50-летие со дня смерти К. Маркса, 100-летие со дня смерти А.С. Пушкина.
- ³⁸ Там же. С. 268–269.
- ³⁹ *Нечкина М. В.* Накануне юбилея Н. Г. Чернышевского // Там же. 1928. Вып. 8. С. 173.
- ⁴⁰ Тезисы фракции Совета Общества историков-марксистов о задачах марксистской исторической науки в реконструктивный период // Там же. 1931. Вып. 21. С. 10.
- ⁴¹ Всесоюзная конференция историков-марксистов. Пленарные заседания. Работа секций: истории народов СССР, истории Запада, социологической // Там же. 1929. Вып. 11. С. 216–229.
- ⁴² *Панкратова А. М.* Создание «Истории заводов» и задачи историков-марксистов // Там же. 1932. Вып. 6. С. 8–21.
- ⁴³ *Покровский М. Н.* Очередные задачи историков-марксистов // Там же. 1930. Вып. 16. С. 10.